

Глава 1

Бергси-Хаус

Резиденция герцога Марвика

Прошлое

Так смеяться мог только он. Единственный в мире.

И пусть она совсем ничего не знала о жизни за пределами этого места. Она никогда не уходила слишком далеко от огромного особняка, скрытого в двух днях пути на северо-восток от Лондона в спокойной сельской местности Эссекса, где пологие зеленые холмы превращались в пшеничные поля, когда осень незаметно накрывала землю.

Не имело значения, что она не знакома с шумом города или с запахами океана. Или что не слышала другого языка, кроме английского, или не видела спектаклей, или не внимала оркестру.

Не имело значения, что ее мир ограничивался тремя тысячами акров плодородной земли, способной похвастаться лишь шерстистыми белыми овцами, огромными тюками сена да сообществом людей, с которыми ей не разрешалось разговаривать, для которых она оставалась практически невидимой, ее существование должно было сохраниться в тайне любой ценой.

Девочка, нареченная герцогом Марвиком. Запеленутая в дорогие кружева, предназначавшиеся для нескончаемой династии герцогов; умашенная маслами, которые полагались лишь самым привилегированным обитателям Бергси-Хауса. Получившая перед Господом мальчишеское имя

и титул, в то время как человек, не являвшийся ее отцом, платил слугам и священникам за молчание и поддельные документы. Герцог лелеял планы заменить незаконнорожденную его женой дочь одним из своих сыновей-бастардов, родившихся в один день с девочкой от женщин, не бывших его герцогинями. Единственный путь продолжить династию герцогства... подлог.

Обрекал эту бесполезную девочку, младенца, мяукавшего на руках у няньки, на убогую жизнь, полную мучительного одиночества, в мире, одновременно таком большом и таком маленьком.

А затем, год назад, прибыл *он*. Двенадцати лет от роду — огонь и энергия. Высокий, худощавый и уже такой умный и хитрый, и прекраснее его она никого не встречала — белокурые волосы, слишком длинные, падавшие на яркие янтарные глаза, которые хранили тысячу тайн, и тихий, едва слышный смех. А главное: он был из другого, неведомого ей мира. И смеялся так, как никто на свете. Она это знала точно, хотя широкий мир был так далеко от нее, что она даже представить не могла его границ.

А он мог.

Он любил рассказывать ей о нем. И предавался именно этому в тот день после обеда — один из драгоценных, улученных моментов между махинациями и манипуляциями герцога, украденный день перед вечером, когда человек, державший в своих руках их будущее, мог вернуться, чтобы насладиться мучениями троих своих сыновей. Но сегодня, в этот спокойный день, когда герцог был далеко, в Лондоне, занимаясь тем, чем обычно занимаются герцоги, их квартет упивался счастьем там, где они могли его обрести — среди диких земель имения.

Она больше всего любила западный край территории, так далеко от особняка, что о нем можно было забыть, пока не напомнят. Великолепная роща деревьев, стремившихся в небо, по одну сторону которой журчала небольшая речушка, скорее даже ручей. Когда она была младше, он подарил ей столько уединенных часов, дней, недель, и беседы с водой оставались единственным, на что она могла рассчитывать.

Но здесь и сейчас она не была одинокой. Ее окружали деревья, и пятна солнечного света заливали землю, где она лежала на спине, утомившись после стремительного бега через луга, и хватала ртом воздух, напоенный ароматом дикого тимьяна.

Он сидел рядом с ней, прижавшись бедром к ее бедру, грудь его тяжело вздымалась и опускалась. Он сверху вниз смотрел ей в лицо.

— Почему мы всегда приходим сюда?

— Мне здесь нравится, — просто ответила она, подставляя лицо солнцу; сердце потихоньку замедляло свой бешеный ритм, и она вглядывалась сквозь листву деревьев в высокое небо, игравшее в прятки у нее над головой. — И тебе бы понравилось, не будь ты все время так серьезен.

Воздух в этом спокойном месте словно переменялся, сгустившись от правды: они не просто дети, тринадцатилетние, беззаботные. Они выживали только благодаря сосредоточенности и осторожности. Выживали только благодаря недетской серьезности.

Но сейчас она об этом забыла. Только не здесь, где последние летние бабочки плясали в лучах лившегося сверху света, наполняя воздух волшебством, от которого все худшее отступало. Поэтому она сменила тему:

— Расскажи мне о нем.

Он не стал спрашивать, о чем именно. Ему не требовались пояснения.

— Опять?

— Опять.

Он повернулся, а она подобрала юбки так, чтобы он мог лечь рядом, как делал не одну дюжину раз. Сотни раз. Устроившись на спине, заложив руки за спину, он заговорил. И слова его замирали под пологом из листьев.

— Там никогда не бывает тихо.

— Из-за телег, гремящих по булыжникам.

Он кивнул.

— Деревянные колеса грохочут, но дело не только в них. Еще слышны крики из таверн, и разносчики на базарных площадях хвалят свой товар. На складах лают собаки. На

улицах бранятся. Я любил забираться на крышу дома, в котором жил, и делать ставки на уличные драки.

— Вот почему ты так хорошо дерешься сам.

Он едва заметно пожал плечом.

— Я всегда думал, это станет лучшим способом помочь моей маме. Пока...

Он замолчал, но она уже слышала все остальное. Пока бедняжка не заболела, а герцог не поманил сына титулом и состоянием. Она повернулась и посмотрела на него: непроницаемое лицо и стиснутые зубы, невидящий взгляд вверх, в небо.

— Расскажи мне про ругательства.

Он негромко, удивленно рассмеялся.

— О буйстве сквернословия. Это тебя особенно занимает.

— Раньше я и не знала, что существует ругань.

До того как мальчики стихийно ворвались в ее жизнь, грубые и все переворачивающие вверх дном, сквернословиящие и такие чудесные.

— Ты имеешь в виду, до Дьявола.

Дьявол, при крещении нареченный Девонем, один из двух его сводных братьев, рос в приюте для мальчиков, о чем ярко свидетельствовала его речь.

— Он оказался очень полезен.

— Да. Сквернословие. Особенно в доках. Никто не ругается так, как матрос.

— Назови мне самое лучшее, какое ты только слышал.

Он искоса глянул на нее.

— Нет.

Ладно, позже она попросит Дьявола.

— Тогда расскажи про дождь.

— Это Лондон. Там все время идет дождь.

Она толкнула его плечом.

— Расскажи мне хорошее.

Он улыбнулся, и она тоже, потому что обожала, когда он ей потакал.

— Дождь делает камни на мостовой скользкими и блестящими.

— А ночами они становятся золотыми из-за огней таверн, — подсказала она.

— Не только таверн. Театр на Друри-лейн. Фонари, что висят перед домами терпимости.

Дом терпимости — место, где оказалась его мать после того, как герцог отказался ее содержать, когда она решила родить его сына. Там этот сын и родился.

— Чтобы прогонять темноту, — негромко произнесла она.

— Темнота не так уж и плоха, — сказал он. — Просто дело в том, что у людей в ней нет другого выбора, как только драться за то, что им необходимо.

— И они это получают? То, что им необходимо?

— Нет. Они не получают ни того, что им нужно, ни того, чего заслуживают. — Он помолчал, затем прошептал, обращаясь к пологу из листьев, словно тот был по-настоящему волшебным: — Но мы все это изменим.

Она не пропустила мимо ушей это «мы». Не только он. Все они. Четверка, заключившая договор, когда мальчиков доставили сюда для этого безумного состязания, — тот, кто победит, защитит остальных. А затем они вместе сбегут из этого проклятого места, этого ристалища умов и мускулов, которое устроил их жестокий родитель в жажде получить наследника, достойного герцогства.

— Однажды ты станешь герцогом, — негромко сказала она.

Он повернулся и посмотрел на нее.

— Однажды один из нас станет герцогом.

Она помотала головой и заглянула в его блестящие янтарные глаза, так похожие на глаза его братьев. И на глаза отца.

— Победишь ты.

Он долго молча смотрел на нее, затем спросил:

— Откуда ты знаешь?

Она сжала губы.

— Просто знаю.

Козни старого герцога с каждым днем становились все изощреннее. Дьявол в точности соответствовал своему

имени — огонь и ярость, бьющие через край. А Уит слишком маленький. Слишком добрый.

— А если я этого не хочу?

Нелепейшая мысль.

— Конечно, хочешь.

— Титул должен принадлежать тебе.

Она не сдержалась и коротко, диковато рассмеялась.

— Девочки не становятся герцогами.

— Тем не менее вот она ты, наследница.

Но наследницей она не являлась. Она была плодом внебрачной связи ее матери, рискованного предприятия, задуманного для того, чтобы произвести на свет незаконного наследника для жестокого мужа, навеки запятнав его драгоценную семейную династию — единственное, что его вообще когда-либо волновало.

Но вместо сына герцогиня родила дочь, а значит, не наследника. Девочка стала временным заменителем. Закладкой в старинном экземпляре «Книги пэров Берка». И все они это знали.

Проигнорировав его слова, она сказала:

— Это не имеет значения.

И это действительно не имело значения. Победит Эван. Он станет герцогом, и это все изменит.

Он пристально посмотрел на нее.

— Ладно, когда я стану герцогом. — Он произнес это шепотом, словно если бы сказал вслух, то проклял бы братьев и сестру. — Когда я стану герцогом, то буду защищать и оберегать нас всех. Нас и всех в Гардене. Я заполучу его деньги. Его могущество. Его имя. Уйду отсюда и никогда не оглянусь. — Его слова словно кружили вокруг них, отражаясь от деревьев, долго, пока он не спохватился: — Не его имя, — прошептал он. — Твое.

Роберт Мэтью Каррик, граф Самнер, наследник герцога Марвика.

Стараясь не поддаваться охватившим ее чувствам, она проговорила как можно более непринужденно:

— Ты вполне можешь присвоить это имя себе. Оно совсем новенькое. Я им никогда не пользовалась.

Хоть ее и объявили наследницей, доступа к имени она не получила.

Много лет назад она была вообще никем, ее называли «девочка», «девица», «юная леди». Однажды, когда ей исполнилось восемь, в доме работала горничная, которая называла ее «голубушка», и ей это очень нравилось. Но через несколько месяцев горничная уволилась, и девочка опять превратилась в пустое место.

До тех пор, пока не появились они — трио мальчиков, сумевших разглядеть ее, и среди них вот этот, который не просто ее видел, но еще и понимал. И они давали ей сотни имен: «Бегунья» — за то, как стремительно она носилась через поля, «Рыжик» — за ее огненные волосы, «Мятежница» — за то, как она набрасывалась на их отца. И она откликалась на все, хотя знала, что это вовсе не ее имена, но после приезда мальчишек это ее совершенно не волновало. Потому что, пожалуй, ей их хватало.

Потому что для них она не была пустым местом.

— Прости, — прошептал он со всей искренностью.

Для него она была кем-то.

Они какое-то время продолжали смотреть друг другу в глаза, чувствуя, как их, словно одеялом, окутывает правда, затем он кашлянул и отвел взгляд, разорвав связь, перекатился на спину, снова уставился на деревья в вышине и произнес:

— Как бы там ни было, моя мама говорила, что любит дождь, ведь только тогда она видела в Ковент-Гардене драгоценные камни.

— Обещай взять меня с собой, когда будешь уезжать, — прошептала она в тишину.

Он сжал губы в твердую линию. Обещание словно было написано у него на лице, внезапно сделавшимся куда старше, чем полагалось по возрасту. Кивнул один раз. Решительно. Уверенно.

— И я позабочусь, чтобы у тебя были драгоценные камни.

Она тоже перекадилась на спину, юбки разметались по траве.

— Смотри же, не забудь, — поддразнила его. — И золотые нити для всех моих платьев.

— Да я закидаю тебя целыми катушками!

— Уж пожалуйста, — сказала она. — И еще мне нужна камеристка, укладывать волосы в прическу.

— Не слишком ли ты капризна для деревенской девочки? — поддразнил он.

Она повернулась к нему и широко улыбнулась.

— У меня была целая жизнь, чтобы обдумать все требования.

— Думаешь, ты уже готова к Лондону, деревенская девочка?

Улыбка превратилась в насмешливую гримасу.

— Думаю, я отлично справлюсь, городской мальчик.

Он рассмеялся, и этот редкий звук заполнил все пространство вокруг них, согревая ее. И в это мгновение что-то произошло. Кое-что странное, и непонятное, и чудесное, и удивительное, как предзнаменование. Этот смех словно отворил ее существо, как не могло сделать ничто другое. Внезапно она почувствовала его. Не просто его тепло рядом, где они соприкасались от плеча до бедра. Не просто то местечко, где рядом с ее ухом лежал его локоть. Не просто прикосновение его пальцев к волосам, когда он вытаскивал из них упавший лист. Всего его. Ровное его дыхание. Его уверенную неподвижность. И этот смех... его смех.

— Что бы ни случилось, поклянись, что ты меня не забудешь, — негромко произнесла она.

— Мы всегда будем вместе.

Она покачала головой:

— Люди уходят.

Он наморщил лоб, и она услышала в его голосе силу:

— Я не уйду. Не смогу.

Она кивнула. И все-таки...

— Иногда это не твой выбор. Иногда люди просто...

Его взгляд потеплел — он понял, что она имела в виду свою мать. Он подкатился к ней, и теперь они оказались лицом к лицу, подперев щеки согнутыми руками, достаточно близко, чтобы делиться секретами.

— Она бы осталась, если бы могла, — твердо произнес он.

— Ты этого не знаешь, — прошептала она, неожиданно ощутив, как от этих слов защипало в носу. — Я родилась, а она умерла и оставила меня с человеком, который мне не отец, и он дал мне имя, которое вовсе не мое, и я никогда не узнаю, что могло бы быть, останься она жива. Я никогда не узнаю...

Он ждал. Всегда такой терпеливый, словно мог ждать вечность.

— Я никогда не узнаю, любила бы она меня.

— Она бы тебя любила. — Ответ последовал мгновенно. Девочка покачала головой и закрыла глаза, желая ему поверить.

— Она даже не дала мне имени.

— Она бы дала. И это было бы очень красивое имя.

Убежденность в его голосе заставила ее открыть глаза и встретить его взгляд, уверенный и твердый.

— Не Роберт, нет?

Он не улыбнулся. Не засмеялся.

— Она дала бы тебе только твое имя. Которого ты заслуживаешь. Она вверила бы тебе титул.

Он прошептал понимающим голосом:

— Я бы точно так сделал.

И тогда все остановилось. Шуршание листвы наверху, крики братьев у ручья, неспешное течение дня, и в этот миг она знала, что он готов преподнести ей дар, какого она даже вообразить себе не могла.

Она улыбнулась ему, чувствуя, как колотится в груди сердце.

— Скажи мне.

Она хотела увидеть это у него на губах, уловить в его голосе, услышать собственными ушами. Она хотела получить это от него, зная, что после этого уже никогда не сможет его забыть, даже если он ее покинет.

И он преподнес ей этот подарок:

— Грейс.

Глава 2

Лондон

Осень 1837

— За Далию!

В ответ послышались разноголосые приветствия, и толпа, собравшаяся в главном зале дома номер 72 по Шелтон-стрит (элитном клубе и тщательно хранимом секрете самых умных, искушенных и эпатажных женщин Лондона), разом повернулась, чтобы выпить за его владелицу.

Женщина, известная под именем Далия, остановилась у подножия центральной лестницы и оглядела обширное помещение, уже плотно забитое членами клуба и гостями, несмотря на ранний час. Затем улыбнулась собравшимся широкой, сияющей улыбкой.

— Пейте же, красавицы мои, вас ждет ночь, которую вы непременно запомните!

— Или забудем! — послышался залихватский ответ из дальнего конца комнаты.

Далия мгновенно узнала голос, принадлежавший одной из самых веселых лондонских вдовушек — маркизе, в свое время вложившей немалую сумму в номер 72 по Шелтон-стрит и любившей его больше собственного дома. Здесь веселой маркизе предоставлялось уединение, какого она никогда не могла получить на Гросвенорсквер. Ее любовникам тоже обеспечивалась полная приватность.

Гости, все в масках, разом рассмеялись, и Далия почувствовала себя свободной от всеобщего внимания на время, достаточное, чтобы рядом с ней появилась ее помощница, Зева. Высокая, гибкая, темноволосая красotka всегда была рядом с самых первых дней существования клуба и справлялась со всеми тонкостями дела, обеспечивая исполнение любых капризов дам, членов клуба.

— Уже толпа, — сказала Зева.

Далия взглянула на часы, украшавшие ее запястье.

— Скоро гостей будет еще больше.

Час был ранний, всего лишь начало двенадцатого; большая часть Лондона только-только смогла улизнуть с утомительных обедов и чопорных танцев, ссылаясь на мигрени... При этой мысли Далия усмехнулась, зная способность посетительниц своего клуба пользоваться мнимой слабостью прекрасного пола, чтобы добиваться желаемого незаметно для светского общества.

Они заявляют о своей слабости и играют на этом, — призывая кучеров к черному входу в дом, меняя свои роскошные наряды на нечто куда более возбуждающее, сбрасывая личины, которые носят в своем мире, и примеряя другие маски, другие имена, другие желания — все, что им взбрдет в голову, — вдалеке от Мейфэра.

Вскоре все они прибудут сюда, заполнив дом номер 72 по Шелтон-стрит до отказа, чтобы насладиться тем, что предлагает им клуб в любую ночь года — общением, удовольствием и властью, — в особенности в третий четверг каждого месяца, когда женщинам не только со всего Лондона, но и со всего мира предлагается познать свои глубочайшие желания.

Это регулярное событие, известное под названием «Доминион» (или «господство»), представляло собой не то бал-маскарад, не то неистовый разгул, не то казино и было в высшей степени конфиденциальным. Придуманное для того, чтобы подарить членам клуба и их доверенным спутникам ночь, исполненную наслаждения... каким бы рискованным это наслаждение ни было.

У Доминиона имелось единственное, главное кредо: выбор леди.

Далия ничто так не любила в жизни, как возможность обеспечить женщинам доступ к наслаждению. К прекрасному полу относились вовсе не прекрасно, и ее клуб существовал, чтобы исправить это.

С момента своего появления в Лондоне двадцать лет назад она добывала деньги десятками разных способов. Мыла посуду в грязных пабах с сомнительной репутацией и промозглых театрах. Делала фарш в пирожковых, гнула металл на ложки и никогда не получала за работу больше